

С ЯКОВОМ ФЁДОРОВИЧЕМ Семёновым я познакомился задолго до того, как увидел его лично. Говорится: "По делам их узнаёшь их". В конце 1979 года я приехал в Кабул. И первое, что я увидел, — это Тадж-бек, дворец, в котором обитал президент Афганистана Амин. Расположенный на окраине города, на рыхлых безлесных холмах, издалека дворец казался антарным, парящим в небесах. Но когда я приблизился к нему, увидел, что в окнах разбиты стёкла, из некоторых окон тянутся вверх чёрные языки копоти. Этот дворец за несколько дней до моего прибытия штурмовала группа спецназа КГБ "Зенит". Она совершила вторжение во дворец, прошла сквозь огонь и воду, ликвидировала охрану, достигла верхнего этажа, где жил Амин, и расстреляла его. Так начиналась Афганская война.

Перед входом во дворец стоял "мерседес" — личная машина Амина. Она была истреблена пулями, в ней не было

живого места, и только дверца уцелела. Я потянул за дверцу, растворил её, а потом отступил. Она легко вернулась на место и тихо чмокнула. Этот звук напомнил звук поцелуя. Этот поцелуй превратился для меня в кровавое месиво, которое покрывало ступени дворца. На ступенях валялись кольца от гранат, окровавленные бинты, обронённые во время атаки автоматные рожки. Было видно, как атака перемещалась с первого этажа на второй и выше.

На самом верхнем этаже находился деревянный резной золочёный бар, и в этом баре на резьбе мне показали следы автоматной очереди. Эту автоматную очередь выпустил командир группы "Зенит" Яков Семёнов, уничтожив этой очередью Амина. И Яков Семёнов по рации передал в штаб, который руководил штурмом, сигнал: "Главному конёк". Это означало, что Амин уничтожен.

Уже потом, в Москве, когда Яков Фёдорович был у меня в гостях, и мы сидели за рюмкой, он неторопливо рассказывал о всей сложности этой операции, которая мучительно готовилась, несколько раз откладывалась. Незримо велась разведка, исследовались огневые точки, расположение охраны, и, наконец, мобильные группы "Зенита" на нескольких боевых машинах пехоты по серпантину поднялись к дворцу и начали штурм. А сверху, с холмов, била по дворцу зенитная установка "Шилка", уничтожая огневые точки у окон.

ДВОРЕЦ

Яков Семёнов стал человеком-легендой, одним из первых, кто открыл в Афганистане огонь, и с этими автоматными очередями началась грозная, до сих пор неведомая, обогнанная и малоизученная Афганская война.

Мы встречались с Яковом Семёновым не однажды: и в Москве, и ещё раз в Кабуле, на вершине горы, где стояла телевизионная башня и размещалась группа спецназа. Он был героем нескольких моих книг. Роман "Дворец" посвящён ему, Якову Семёнову.

Получив свои раны и свои награды, Яша оставил службу в КГБ и уехал в Карелию, откуда он родом. Когда я двигался по окровавленным лестницам дворца, мне казалось, что туда врываются великаны, сокрушая всё на своём пути. Но когда я увидел Яшу, этого невысокого, очаровательного, с застенчивой улыбкой карела, я был поражён его несоответствием придуманному мной образу.

Яков Фёдорович стал директором Национального парка Карелии, природного заповедника. После кровавых жестоких лет, проведённых в войне, с оружием, ему досталась воспитательная, любимая им карельская природа: леса, студёные реки,

озёра, медведи, прилетающие летом лебеди. Это было ему наградой: после войны окупаться в волшебный и божественный мир природы.

Я благодарен ему бесконечно за то, что он устроил мне великий праздник: пригласил в свою родную Карелию, сел за руль внедорожника и повёз меня в далёкие леса, в деревню Вохтозеро, где я когда-то работал лесником, и где прошли наши первые месяцы с женой, которая приехала ко мне из Москвы. То были воспитательные дни: синие озёра, негасимые зори, летящая над озёрами гагара, роняющая в воду одинокую каплю, и эта капля расходилась множеством медленных, тягучих серебряных кругов. Это было место, где я был настоящим счастливым. И вот теперь, через много лет, он привёз меня в эти драгоценные места.

Мы сидели около избы, в которой я когда-то жил, за маленьким столиком, стоящим на берегу озера. Вышла хозяйка, сестра той хозяйки, что принимала тогда нас с женой. Мы вытащили бутылку водки, поминали всех усопших: поминали тех, кто погиб во время штурма, поминали тех, кто ушёл из этой избы. Я смотрел на Яшу, на его тихое, умиротворённое лицо с обожавшими глазами и думал, что Господь дал ему жизненную долю, которая не даёт обычному человеку. Дал страшную, кровавую войну, подарил воспитательную, божественную природу... А потом, когда Яша оставил заповедник, он стал одним из высших руководителей космического учреж-

дения — Научно-производственного объединения имени Лавочкина, которое занималось построением спутников. Водил меня по цеху, где создавался очередной спутник. А рядом стояли похожие на космических насекомых фантастические существа с раскрытыми перепончатыми крыльями, с длинными усами, со множеством тонких ножек. Этот спутник, предназначенный для полёта, был почти готов. Рабочие завершали на нём последние монтажные операции, и Яков касался спутника так бережно, как будто это была живая бабочка, и что-то отправлял с этим спутником в дальний космос, ожидая ответа. Быть может, ответ, который он ожидал, был о бессмертии, был о любви и красоте, был о вечной природе, где нет насилия, нет войн и не нужно штурмовать дворцы, а все дворцы — это прекрасные чертоги, где живут счастливые и добрые люди.

Он ушёл тихо, почти незаметно для публики. О его кончине не было телевизионных программ, хотя он был для Родины важнее и значительнее, чем любые актёры, любые режиссёры, поминовению которых посвящают передачи. Он был опорой, на которой зиждется государство, тем народным человеком, что, видя из народа, продолжает служить своему народу, не порывая с ним связи ни на секунду.

Помню, как мы попали с ним в чудесный карельский лес. Там росла высокая берёза, и на этой берёзе были особые наросты, которые в народе называются ча-

гами. Мы отломали эти целебные чаги, принесли в избу и сделали из них отвар. А потом, развеселившись, стали друг друга называть чагами. Он был "Чага-1", а я был "Чага-2". И, когда мы переговаривались по телефону, он начинал свой звонок так: "Я — Чага-1, я — Чага-1. Чага-2, как слышите меня? Приём". И я отвечал ему тем же самым.

Однажды на встрече нашего Изборского клуба я познакомил Яшу Семёнова с Джульетто Къезой, итальянским мыслителем, философом и политиком. Они долго сидели, а потом не могли встать, потому что были весьма пьяны, и, обнявшись, покинули помещение клуба. Яша долго не давал о себе знать, и мне казалось, что он улетел с Къезой в Рим.

Теперь его нет со мной, и мне его не хватает. Я помню, как мы сидели с ним на берегу стремительной, чистой лесной реки: то голубой, то розовой, то серебряной. Из воды выступал крупный валун. Река постоянно его лизала: то накрывала с головой, то обнажала его розовую вершину. Мы смотрели на эту реку, и каждый думал о своём. Эта река жизни несла мимо нас все наши прожитые годы. Она была той рекой, у которой нет ни устья, ни истока, была рекой времени, и по ней текут все человеческие жизни.

Дорогой Яша, как хочу тебя увидеть, увидеть твою улыбку, пожать твою мужественную руку. Знай: мне тебя не хватает.

Александр ПРОХАНОВ

Владимир КРЕСТОВСКИЙ БЕЛОРУССКИЕ УРОКИ

Игра продолжается...

ВСТРЕЧА ЛУКАШЕНКО с Путиным в Сочи 14 сентября и состоявшиеся накануне выборы в некоторых субъектах РФ, на которых "умным голосовальщикам" удалось добиться не слишком многого, наталкивают на два вывода.

Во-первых, попытка очередной "бархатной революции" на постсоветском пространстве захлебнулась. Точнее, захлебнулась пока и по тому сценарию, по какому проектировалась изначально, до 9 августа, с учётом вносимых в него корректировок как раз примерно до сочинских переговоров обоих президентов. И хотя попытки штурма резиденции Лукашенко повторяются каждое воскресенье, стало ясно, что его свержение по алгоритму киевского майдана не получится. На сегодняшний день зависла ничья: режим выстоял, но с невосполнимыми имиджевыми потерями, энергия протеста медленно, но неуклонно гаснет, ни у одной из сторон нет ресурсов для сколько-нибудь результативного контрнаступления. Но время однозначно работает против Лукашенко и на оппозицию, потому что власть Белоруссии продолжает лишь реагировать, причём косно и топорно, на вызовы своих противников и до сих пор не навязала им собственную контригру.

Во-вторых, несмотря на активное муссирование в наших читаемых и влиятельных оппозиционных сетевых ресурсах (и даже в некоторых вполне лояльных Кремлю СМИ) мнения о провоцировании белорусскими событиями протестных настроений в России, ничего подобного вроде бы не происходит. Такой вывод напрашивается сам собой, если судить по результатам сентябрьских выборов. Не появились ни одного незапланированного губернатора, а распиаренные успехи "умного голосования" в Томске, Тамбове и Новосибирске (на самом деле, если судить по последующим траекториям новозобранных депутатов, — в одном Томске) — более чем скромный результат, который не смогли улучшить даже скандал с отравлением Навального и продолжающиеся, хотя и постепенно затухающие, протесты в Хабаровске. Однако совершенно очевидно, что наступившее затишье временное, поскольку и у нас Кремль тоже только обороняется и не переходит в наступление.

Поэтому популярное сегодня утверждение, что России в недалёком будущем ждёт белорусский сценарий, одновременно и некорректно, и во многом верно.

Некорректно оно потому, что цели не получившей пока "бархатной революции" в Белоруссии и возможных аналогичных событий в России изначально разные.

Белоруссия нужна Западу в качестве последнего недостающего звена нового "санитарного кордона", отделяющего "цивилизованную" Европу от "варварской" России. Лукашенко, несмотря на все его роль сменяющуюся за таким званием не годится. Если Европа ещё и готова, стиснув зубы, терпеть Орбана, то эксцентричный Батяшка ей не нужен ни при каких раскладах. В итоге усидеть на двух стульях одновременно у Лукашенко не получилось. Пресловутая "многовекторность" и неприкрытое намерение на протяжении уже многих лет антироссийских и одновременно пропагандных настроений в Белоруссии ударили по нему самому, подготовив благоприятную почву для того, что началось после 9 августа. Проект встраивания Белоруссии в Европу, пусть и на гораздо менее привлекательных условиях, чем на Украине, предполагало запускать после свержения Лукашенко. Пока не получилось, но Запад вряд ли откажется от этой затеи.

Нашу же страну никто и никогда на Запад не примет, даже в случае падения путинского режима. Поэтому белорусский сценарий для России не годится. Здесь намерены действовать иначе — провоцировать антимосковские настроения и регионализацию, чтобы впоследствии можно было легко откусывать лакомые куски наподобие Крыма, Калининградской области, Карелии, устья Дона, Кубани (на Крымский мост в связи с этим уже есть виды), а также, возможно, значимые в инфраструктурном отношении территории на другом конце Евразии. Непростая же "зафугалил" Дальний Восток, а в благополучном и спокойном антарном крае брошен пробный камень опасного межэтнического и межконфессионального конфликта вокруг инцидента со святым источником.

То есть Белорусию дестабилизировали для одного, а Россию будут раскачивать совсем для другого. Но, несмотря на разные целевые установки обоих сценариев, набор приёмов подобных управляемых конфликтов примерно один и тот же, тем более, если речь идёт о странах с похожими во многом политическими режимами. И с этой точки

зрения вполне правомерно усматривать в белорусских событиях возможное недалёкое будущее России. А значит, пока не поздно, извлекать из них соответствующие уроки.

Первый и, наверное, главный урок белорусских протестов, как и обоих украинских майданов, случившихся с разницей в девять лет, касается объяснения того, как такое вообще происходит. Пора наконец-то понять, чем организаторы подобных акций выманивают на улицу людей, которые до того были обыкновенными обывателями, не помышлявшими ни о какой политической деятельности и тем более о том, чтобы помериться силами со спецподразделениями. Какими такими "печеньками" их соблазняют?

Благородный гнев по поводу фальсификации результатов выборов, как и коррумпированность власти, — это только повод. Настоящие "печеньки", которыми вербуют будущих "герильеров", — это возможность примерить на себя совершенно новую и непривычную поведенческую стилистику, поиграть в образы, которые в обычной рутинной жизни обитателя мегаполиса запрятаны в глубоком подсознании. Человеческая природа — штука сложная. Чего только нет в её глубинах. Тут и жажда подвига, и потребность в экстриме, и желание совершать насилие, и стремление вырваться в иное качество времени — из циклического в той или иной степени, как у подавляющего большинства людей во все эпохи, в мифологически-событийное, сказочное. В повседневных заботах о хлебе насущном все эти тайные помыслы вроде бы дремлют, но порой достаточно незначительного внешнего возбудителя, чтобы вчерашний среднестатистический и застёгнутый на все пуговицы представитель офисного планктона увидел в себе Че Гевару.

В так называемых открытых обществах имеется целая индустрия по дозированному и контролируемо удовлетворению таких потребностей. На это работают и массмедиа, и сетевые сообщества, и элиторальные флешмобы, и активное культивирование групповых субкультур. В авторитариях прошлого века государство бросало колоссальные ресурсы на поддержание высокого гравуса пассивности населения, и на прислушивание к голосам из подсознания у людей просто не хватало сил. Постсоветские же режимы не захотели трогаться на массовую психотерапию, упоная на всемогущество одной телепропаганды. Но человеку требуется не только смотреть и слушать, но ещё и соучаствовать. И степень режимности особой роли тут не играет.

На Украине публичная политика фонтирировала, но при этом оставалась преимущественно имитационной — не цепляла, как в авторитариях, не задеживала, как в демократиях. Поэтому силы, заинтересованные в изменении геополитической ориентации этой страны, оба раза использовали специально для того созданную массовку. Это было и относительно дёшево, и поучительно для восточного соседа.

Запустить аналогичный проект в Белоруссии было ещё проще — проблемы те же, что и на Украине, только публичная политика не просто отсутствует, но вытеснена причудливым гибридом из культа советского прошлого и намерения балансировать между Россией и Западом в обмен на дивиденды с обеих сторон.

Надо отдать должное профессионализму технологов, сконструировавших в невиданных до того масштабах гендерно ориентированный протест представительниц прекрасного пола в национальных белорусских костюмах с тывенным перформансом (по белорусской традиции тывку выкалывали, отказывая жениху), двусмысленным и одновременно обезоруживающим скандированием "Вам никто не даст!" в адрес силовиков, изготвление в свободное время бело-красно-белых флагов. Эта ролевая игра всерьёз и надолго. Выйти из неё будет крайне сложно. В том числе и потому, что она плотно увязана с генотипическими крптомами национального сознания, так виртуозно показанными в гениальном пудоводителе по традиционной белорусской культуре "Дикой охоты короля Стаха" Короткевича. Пройдёт какое-то время, и эти заигравшие женщины, устав от непривычных ярких ощущений, вернутся к своим обычным социальным ролям, но пока что зачарованность этой массовой игрой буквально зашкаливает.

Подобное нейтрализовать подобным. Игровое поведение не остановить силой — его можно только переиграть, действуя в пространстве иррационального. И Лукашенко интуитивно нащупал единственно правильный способ ответных действий, которые были абсолютно не понятны нашими наблюдателями и вызвали у них усмешки. После

Украинские феминистки демонстрируют весомую поддержку белорусским оппозиционерам.

провальной попытки пообщаться с рабочими на заводе колесных тягачей, то есть возвать к уму, он разыграл впечатляющее действие, рассчитанное на эмоцию — вышел из вертолёта с автоматом в руках и с сыном Колей в форме спецназовца, сказал несколько проникновенных слов силовикам. И точно что-то переломилось после этого. Нет, протесты не остановились и даже не уменьшились, но та абсолютная уверенность в скорой победе восставших над президентом, который была просто переполнена политическая атмосфера Минска, куда-то исчезла. Другое дело, что Лукашенко не стал дальше практиковать такой хепенинг, и в этом его ошибка. Высокая политика при всём её расчётливом прагматизме непременно должна руководствоваться интуитивными подсказками, её субъекты должны легко переходить с языка серьёзности на язык игры и обратно.

Следующий урок, который надо извлечь из пока ещё непродолжительной истории белорусского протеста, — это острая востребованность сообщества, эквивалентного по численности и, главное, по радикальности своего настроения, но находящегося по другую сторону баррикад, готового к организационным предьявлениям себя противоположной стороне. Это не полукриминальные "титущки", используемые для силовых акций в отношении участников протестов, а люди, которые просто делают то же самое, что и недовольные режимом, но с противоположным знаком.

История всех "бархатных революций" в постсоветских странах убедительно продемонстрировала, что легитимация тех, кто свергал действовавшие властные режимы, всегда сводилась в основном к аргументу, что они представляют собой народ. Разумеется, этот аргумент всегда лужав, так как протестующие — всего лишь определённая часть народа, пусть активная, но при этом далеко не преобладающая по своей численности. Пассивное и неполитизированное большинство в массе своей занимает либо выжидательную, либо умеренно негативную позицию в отношении "герильеров". Это большинство важно растормозить и вывести на улицу, чтобы нарастающее напряжение выглядело не противостоянием между властью и обществом, но внутригражданским конфликтом.

Организаторы протестов против действующих режимов больше всего опасаются именно такого поворота событий. Появление "другого народа", который активно демонстрирует свою позицию, противоположную "революционерам", лишает последних априорной правоты. Поэтому-то собирающихся на митинги в поддержку власти изо всех сил пытаются дискредитировать, представить исключительно бюджетниками, связанными отовсюду под угрозами санкций по месту работы, людьми примитивными по культурному уровню, защищающими власть в силу своей косности. Оппозиционные СМИ аранжировать подобные обвинения соответствующим видео-рядом. Власть обвиняют в том, что она собственными руками раскалывает общество. Это смешной по своей сути упрёк часто оказывается какое-то магическое воздействие на тех, кто был бы готов выйти на митинг в поддержку власти, и заставляет их остаться дома.

Поэтому способных поиграть не против власти, а за неё следует готовить заранее. Правда, в нашей недавней истории имеется яркий пример того, как соответствующие организованные группы тренировались на протяжении нескольких лет, много раз в ещё спокойное время выходили на массовые акции то в единообразных футболках с портретом национального лидера, то в облатении Деда Мороза, но в декабре 2011 года куда-то растворились и даже не попытались противопоставить себя "белоленточникам". В итоге многотысячный митинг в поддержку Путина на Поклонной горе, сопоставимый по своим масштабам с акциями на Болотной, пришлось организовывать и проводить совсем не тем, кто за это прежде получал немалое финансирование. Понятно, что власть тогда не на тех поставила — подвели и организаторы, и исполнители.

Чтобы такого больше не произошло, надо более основательно мотивировать желающих в случае

чего выйти на улицу. Лояльность таких людей не покупается, а воспитывается. Здесь должны быть свои "печеньки", точно так же сводимые к возможности поиграть, примерить на себя непривычные, но манящие ролевые образы, только с противоположным знаком, нежели у протестующих. И, конечно, создавать таких "контрреволюционеров" надо не шитокрыто, а максимально публично, сообщая об этом если не в государственных СМИ, то на известных аффилированных с властью ресурсах. Борьба за будущее начинается ещё задолго до того, как на улице закипает протест, и к ней надо готовиться самым серьёзным образом. Если бы параллельно с многотысячными митингами в поддержку оппозиционных кандидатов, которые прокатились по Белоруссии за несколько дней до выборов, прошли такие же массовые мероприятия сторонников Лукашенко, то, скорее всего, протестные выступления были бы гораздо слабее.

К сожалению, у нас власть после неудачи с моллодыми "пассионариями" в 2011 году и необходимости организовывать улицу в свою поддержку, что называется, ад hoc, из того, что имелось под рукой, считает нецелесообразным заново что-то конструировать. Она опасается, что превентивные шаги в этом направлении будут истолкованы как проявление слабости, и уповает на то, что в случае необходимости получатся быстро собрать новую Поклонную и задавить её какую-нибудь очередную Болотную. Напрасно. С 2012 года изменилось очень многое. Противник стал изобретённым, казённая пропаганда выглядит всё топорнее и лишь отталкивает сторонников власти. Деструктивная мотивация всегда сильнее мотивации конструктивной, поэтому заманить в пространство игры под лозунгами борьбы с режимом намного проще, чем уговорить поиграть в его поддержку. Власть же, похоже, увлечена лишь возней вокруг перераспределения полномочий в пользу Госсвета и Совфеда, не обращая внимания на то, что происходит на нижних этажах общества. Остаётся надеяться, что катастрофа, которую пережил Лукашенко, заставит Кремль более внимательно относиться к тем протестным настроениям, которые пестуются в народе его противниками — как внутренними, так и зарубежными.

Особенно поучительный для России белорусский урок — это поведение в дни наибольшего накала протестов представителей среднего и нижнего звеньев управленческой вертикали. К чести Лукашенко надо признать, что с его тонущего корабля практически никто не побежал, не переметнулся в противоположный лагерь. Подкачали разве что только медики, но их удалось вовремя заменить десантом из России. Между тем, как известно, именно вербовка элит является главным условием успешной "бархатной революции".

Увы, но у нас картина прямо противоположная. Случись, что — и предательство со стороны элит станет чем-то само собой разумеющимся. И к нему тоже надо готовиться уже сегодня. Если уж говорить об игровом поведении, то существует апробированный тысячами лайфхак — заговор. Чтобы отвести беду, её нужно поартикулировать, проговорить, ритуально пережить и тем самым оставить в прошлом то, чего даже ещё не произошло в настоящем. Бойкие блогеры должны с упоением описывать сценарии предательства элит, может быть, даже называя конкретные имена, прописывая наиболее брутальные сценарии и не опасаясь судебных исков, которых, скорее всего, не последует, особенно в нашей правовой действительности.

Заняться такой превентивной контрпропагандой в первую очередь должны те, кто давно стоит в очереди, но так ничего ещё не получил, голодные и хищные, дышащие в спину нынешним элитариям и осознающие, что у них остаётся единственный шанс подняться — занять в критический момент правильную позицию, как в своё время поступил Холманских (его последующая неудачная карьерная траектория не должна отпугивать: в конце концов, судьбы складываются по-разному, но поступок, совершённый этим человеком во время теломоста в декабре 2011 года, вошёл в историю).

Ещё один урок из политического кризиса у нашего западного соседа формулируется, что называется, от противного: в Белоруссии ничего подобного не было и быть не могло, а у нас есть — следовательно, пора перестать замалчивать эту проблему. Свобода слова — это священная корова, и никто не собирается пустить её на говядину. Но эта свобода не должна быть односторонней: если кто-то публично дискредитирует власть, то в отношении этого лица необходимо применять аналогичные диффамационные практики.

Вот, например, некто на протяжении нескольких лет надсадно намекает на свою близость к некоторым кремлевским башням, с упоением говорит об имеющемся у него информационном эксклюзиве о состоянии здоровья первого лица и при этом почему-то не продвигается в судебном порядке либо за разглашение сведений, составляющих медицинскую тайну, либо за распространение заведомо лживой информации. В демократическом обществе независимые блогеры также вправе покопаться в прошлом такой персоны. Например, высказать предположение о содержании культурных контактов этого лица несколько лет назад на конгрессе славистов в Америке или поразмышлять о подлинных причинах, заставивших его уволиться из престижного московского вуза.

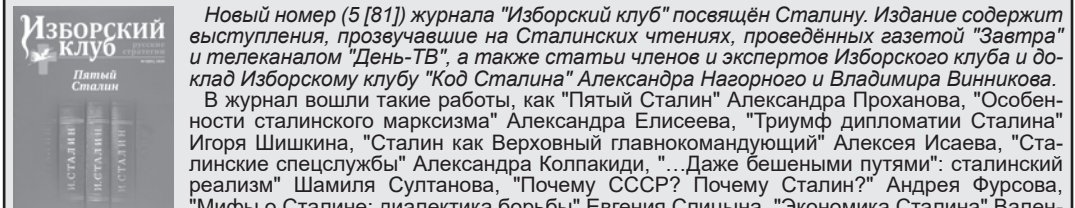
Обращает на себя внимание и совершенно неадекватное поведение отдельных ярких личностей, стяжавших известность во время активной фазы войны в Донбассе летом 2014 года. Хотя по человечески этих людей можно понять: им досадно, что их использовали, ничего за это не предлагая. Разве может быть иное объяснение их медийной отголосности? Ясно же, что обвинения, предъявленные им в своё время Кургиным, были сделаны в полемическом запале и не соответствовали действительности. Или не так?

Если бы "опыльные тропли" или им подобные институты существовали на самом деле, тем более с теми ресурсами и возможностями, какие им приписывают нынешние оппозиционеры, то Рунет был бы просто стерлен в политическом отношении. Пока что налицо обратное — политическую погоду в Сети делают исключительно оппозиционеры. А значит, либо "тропли" нигде не годятся и их надо менять, либо их вовсе нет и никогда не было.

Но есть и отрадные моменты, на которые стоит обратить внимание. Например, нельзя не отметить виртуозно организованную obstruction, устроенную в Рунете отечественным симпатизантам письма Алексиевич. Надо уметь вот так играть, незаметно, даже где-то с изумлением обнаружив интересные связи между лицами, патетически поддерживавшими нобелевскую лауреатку. Можем же, если хотим!

Стоит указать и ещё на один урок, который важно извлечь из брожения в Белоруссии, — о значимости коммуникационных практик "герильеров". Сегодня только и разговоров, что о Telegram-канале NEXTA, сливе персональных данных белорусских силовиков, программировании общественного мнения соответствующими push-уведомлениями, работе империи Google по промыванию мозгов и вербовке новых сторонников протеста. Но это вопрос прикладной и поэтому легко решаемый. Требуется всего-навсего организовать толковых и мотивированных технорей. Странно, что белорусские чекисты, среди которых достаточно квалифицированных именно в этой области кадров, бездействовали. Это наталкивает на определённые выводы относительно занятой ими позиции.

Словом, из того, что случилось и продолжает происходить в Белоруссии, следует сделать выводы и прямо сейчас начать готовиться к чему-то подобному в нашей стране. Готовиться спокойно, со знанием дела и уверенностью в своей правоте. И при этом помнить о том, что, помимо содержания, "контрреволюционерам" ещё требуются и соответствующие стиль, манера, мода, понимание субкультурных поведенческих кодов. То есть всё то, что сплона и даже отчасти по-новому проявляется в ходе белорусских протестов.

Новый номер (5 [81]) журнала "Изборский клуб" посвящён Сталину. Издание содержит выступления, прозвучавшие на Сталинских чтениях, проведённых газетой "Звезда" и телеканалом "День-ТВ", а также статьи членов и экспертов Изборского клуба и доклад Изборскому клубу "Код Сталина" Александра Нагорного и Владимира Винникова.

В журнал вошли такие работы, как "Пятый Сталин" Александра Проханова, "Особенности сталинского марксизма" Александра Елисеева, "Триумф дипломатии Сталина" Игоря Шишкина, "Сталин как Верховный главнокомандующий" Алексея Исаева, "Сталинские спецслужбы" Александра Колпакиди, "...Даже бешеными путями": сталинский реализм" Шамиля Султанова, "Почему СССР? Почему Сталин?" Андрея Фурсова, "Мифы о Сталине: диалектика борьбы" Евгения Спичина, "Экономика Сталина" Валентина Катасонова, "Сталин и глобализация" Михаила Делгина, "Сталин — организатор жизни города" Екатерины Глушич, "Сталин и Ватикан" Ольги Четвериковой, "Сталин и русские" Виталия Аверьянова, "Два лидера — два парада" Александра Айвазова, "Образ Сталина в российском обществе" Вардана Багдасаряна, "Сталинизм: воспоминания и размышления" Сергея Белкина.

В статье "Сталин и национальная политика" Юрий Жуков пишет: "Д сих пор ходят разные слухи о том, какое место занимал Сталин в партийной иерархии, в частности, в ЦК в 1917 году. Напомню простую вещь. Поздней весной 1917 года Петроград состоялся (легальная) конференция РСДРП, на которой присутствовало множество делегатов, а в конце произошло избрание ЦК. По количеству голосов первое место занял Ленин, второе — Зиновьев, третье — Сталин. ... Но для нас важны даже эти детали партийной иерархии, а другое: чем занимался Сталин с марта 1917 года, с того момента, как он приехал из сибирской ссылки и сразу включился в работу, став постоянным сотрудником газеты "Правда", которой я ту пору руководил Вячеслав Молотов".

В разделе "Библиотекарь" можно ознакомиться с новыми книгами членов и экспертов клуба. В рубрике "Стихия" представлена поэзия сталинской эпохи.

Журнал иллюстрирован архивными и современными фотографиями, картинами и плакатами советского времени с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина.

Справки по телефону 8-985-256-91-24